

лицъ четырехъ апостоловъ увѣковѣчила четырехъ крѣпостныхъ мужиковъ. Все это ужасно уродливо, но жаль было бы выбросить. Эту птичку склеила изъ перышекъ покойная матушка и подарила Ефиму на именины... Вещи смѣшныя, съ посторонней точки зрѣнія, но для меня...

— Ты любишь свой домъ?

— Да, Раиса.

— Я тоже люблю его, — сказала молодая женщина. — Все люблю, что твое. И эти евангелисты мнѣ нравятся, и эту птичку люблю... Чей портретъ? Неужели брата?

— Да, брата. Какъ ты угадала? Раскрашенная фотографія, а все-таки жизни много. Какіе глаза! Смотрять!

— Онъ былъ некрасивъ?!

— Товарищи называли его ушаномъ.

— Но у него добрыя губы.

— Его губы — цѣлый міръ! — вскричалъ Ѳеодоръ Игнатьичъ. — Славныя губы...

Онъ выпятилъ свои губы, чтобъ придать имъ выраженіе, какое было у брата. Черезъ минуту онъ подавилъ вздохъ и, уводя Раису дальше, — сказалъ:

— Однако намъ пора спать — мы дурно провели ночь. Не правда ли?

Молодая женщина, не глядя на мужа, кивнула головой.

Ѳеодоръ Игнатьичъ пришелъ съ женой въ ея спальню. Розовый шаръ спускался съ потолка и наполнялъ комнату таинственнымъ сумракомъ. Въ цѣломъ домѣ эта комната казалась единственнымъ угломъ, гдѣ не было прошлаго, гдѣ притаилось только грядущее. Какой-то милый и нѣжный призракъ шепталъ отовсюду: „Не бойтесь меня! Что было, то умерло! Я — счастье, я — ваше будущее!“ Молодые люди застѣнчиво смотрѣли другъ другу въ глаза, и сами стали говорить шопотомъ, точно ихъ добрый духъ, дѣйствительно, былъ гдѣ-то здѣсь, въ этой счастливой комнатѣ, и громкая бесѣда заглушила бы его тихія, какъ мысли, рѣчи.

— Такъ ты, Раиса, будешь спать... одна? *Quelle petite bouche* сдѣлала ты! Прости меня! Я ухожу...

— Уходишь?

Она посмотрѣла на него ласковымъ виноватымъ взглядомъ. Онъ пошелъ къ дверямъ, стараясь придать лицу веселое выраженіе и по пути оборачиваясь.

Когда Раиса осталась одна, раздѣвшись и отославши Варю, она вдругъ почувствовала, что ни за что не заснетъ. Сначала